

Ольга Кузьмина

Из огня да в полымя

С утра на улице зарядил мелкий ледяной дождь вперемешку со снегом, словно не апрель на дворе, а лютый февраль. Нос во двор не высунешь. Тихон без дела слонялся по подполью, без особой надобности передвигая горшки на полках. Косился на пауков в углах, не запылилась ли где паутина, не пора ли смахнуть, чтобы новую сплели? Слазил наверх, выглянул из-под печки, оглядел избу. Выметено чисто, посуду он ночью всю вылил. На заре хозяин, не поевши, оседлал коня и ускакал по делам, а хозяйка еще с кровати не поднялась. Служанку давеча выгнала, а сама дрыхнет до полудня. Кто печь топить будет?

Тихон неодобрительно покряхтел и вернулся в подпол. Не повезло ему с хозяевами. Вроде и дом — полная чаша, а порядка нет. Обычаев не соблюдают, пустякового подарка и то никогда не подарят — ни лоскутка цветного, ни монетки с Егорием под ясли, ни хлеба куска в подпечье... Служанки то и дело меняются, привыкнуть не успеешь. И все городские, порядку не знают. Мисочку с молоком, как положено, с поклоном да приговором не ставят. Раньше хоть Митька, кот рыжий, позволял лакать из его миски. А теперь нет Митьки. Старый стал, сослепу, как котенок, в углы тыкался. Приказала хозяйка — в мешок да в реку. Принесли молодого кота — серого, полосатого. Тихон его выжил. Эх, люди, люди, человеки, никакого в вас понятия нету! Кота, да и всю скотину, в масть домовому заводят. Вот у хозяина конь Огонек, ухоженный, каждую ночь Тихон ему гриву чешет, в косицы заплетает. В конюшне порядок — хоть живи там. И куры рыжие круглый год несутся, не болеют, не паршивеют.

На крыльце загрохотали сапоги — хозяин вернулся. Что-то закричал с порога. Хозяйка ответила — сначала сонно, потом визгливо, в голос. И понеслось по кочкам...

Тихон затосковал. Может, он сам виноват? Испокон веков порядок заведен: коли домовая с домовихой душа в душу живут, так и хозяева голубками милуются до старости. А он бобылем кукует, никак не найдет свою суженую. Хотя, казалось бы, жених Тихон завидный. Порядок в его хозяйстве — залюбуешься. Самая разборчивая домовиха не придерется. В подвале сухо, ни клопов, ни тараканов нет. Закут заповедный, от людских глаз скрытый, чистый да уютный. Все, как положено, — сундук, коврик плетеный, лавка, одеяло лоскутное. Подушки, мягким пухом набитые, Тихон сам собирал в курятнике — пушинку к пушинке... И возраст у него самый подходящий для женитьбы — сто двадцать пять зим. Вот только городские домовихи нос воротят. Им подавай жениха с домом каменным, да чтобы непременно в три этажа! А деревенские... Тихон тоскливо вздохнул. Не повезло ему с мастью. Опасаются деревенские рыжих. Прямо хоть на кикиморе женись! Только какая из кикиморы жена? Воровство одно да пакости исподтишка. Верно люди говорят: «Хорошо прядет кикимора, а рубахи от нее не дожدهшься».

Наверху загрохотало, зазвенело. Посуду бьют! Тихон накрыл голову подушкой, чтобы не слышать этого безобразия, не надрывать сердце. Только бы до поставца с голландским фарфором не добрались! Нравились Тихону синие картинки на больших белых тарелках: крутобокие кораблики с раздутыми парусами, мельницы, лошадки, люди, по-иноземному одетые...

Интересно, водятся ли в иных краях домовые? Сосед Минька хвастался, что как-то раз спрятался в карете и в самый центр Петербурга ездил — на Аглицкую набережную. Видел там заморского домового — в коричневом сюртуке, в белых чулках. Важного, через губу не переплюнет. Врет, небось. Какой же домовый, хоть и аглицкий, решится в чужую страну через море плыть?

Тихон пригрелся под подушкой и сам не заметил, как задремал. Проснулся от негромкого, но настойчивого сту-

ка в завалинку. Протер глаза и прямым ходом, как домовые умеют, шмыгнул из дома на двор. Эх-ма! Полдня проспал, вечереет уже.

За углом дома трижды твякнули по-лисьи. Тихон страдальчески сморщился.

— Иикка, дурья твоя башка! Опять соседских собак дразнишь? Дошутись, оторвут хвост!

— Это еще кто кому оторвать!

Перед Тихоном появилось сгорбленное угольно-черное существо — лохматое, с длинными руками. Мокрая гладкая шерсть резко пахла лесной прелью и зверьем. Желтовато-красные раскосые глаза смешливо помаргивали, длинный хвост с кисточкой на конце шлепал по лужам. Иикка был еще молодой тролль, не знал, куда силу девать. Оттого и бегал на посылках из чухонских краев до окраины Петербурга. Собак он не боялся — с его-то когтями и волчью стаю одолеть можно.

— Terve¹, Тихон! Готово?

— Уже три дня как сделал. — Тихон нырнул в подполье и вернулся со свертком. Недовольно глянул наверх на непрекращающуюся морось, но звать тролля в дом не стал. Развернул холстину, показал свою поделку — деревянный сундучок с глубокой, почти сквозной резьбой.

Иикка восхищенно ахнул.

— Как ты уметь — больше никто не уметь!

Тихон польщенно зарделся. Сундучок ему заказал старейшина троллей, в подарок своей невесте. Тихон постарался, вырезал лесные узоры — листья, зверей, цветы всяческие. Троллям такое нравится.

— Аккуратно неси, не поцарапай. — Он старательно завернул сундучок и обвязал веревкой.

Иикка забросил сверток за плечи и сунул Тихону ведерный липовый бочонок.

— Мухоморовка. Как договариваться.

---

¹ Terve — финское приветствие, дословно переводится, как «здорово!»

Тихон крикнул, принимая оплату. От бочонка пахло таким ядреным ароматом, аж голова закружилась. Троль смешливо ухнул.

— Не надумать еще к нам перебраться? Мы тебе и хутор присмотреть.

Тихон помотал головой.

— Благодарствую, мне и здесь неплохо.

— Ну, как знать. Бывать здоров, рерри²!

Троль исчез. Тихон сердито засопел. Иикка прилично говорил по-русски, но любил вставлять в речь финские словечки, отчего домовый чувствовал себя дурак-дураком. Звучит зачастую до ужаса обидно, а спросишь — совершенно невинное слово. Наоборот тоже случается. Лучше не спрашивать.

Он вернулся в свой закут, пристроил драгоценный бочонок в углу. Тролий самогон из мухоморов питерские домовые ценили на вес золота. И не только домовые. Хозяин Невы иной платы за свои услуги не принимал. Обычно-то домовые стараются держаться от большой воды подальше. Но как тут удержишься, коли весь город каналами да речками изрезан? То и дело приходится на поклон к водяницам идти.

Тихон прислушался — наверху мирно журчали голоса, в щели проникал вкусный запах кофея. Утомонились, стало быть, вечерают. Можно покамест к соседу наведаться, новости узнать.

До соседа Тихон не дошел, обнаружил кудлатого, пегого Миньку на улице, в окружении домовых и домових. Тот взахлеб что-то рассказывал.

— Пол-лавки сгорело! И в доме все — дотла! От книг один пепел остался!

Слушатели ахали и охали. Нет для домовых большей беды, чем пожар.

— Кто погорельцы-то? — спросил Тихон.

— Шотландцы с Галерной улицы, — ответил Минька. — Я там кое-кем перемолвился словечком. Энтот Арчибальд

² Рерри — финское ругательство — «задница».

Мерлиз — как есть колдун. Из Англии своей не только простых слуг привез, но и еще кое-кого.

— Все англичане — чудаки спесивые, — вставил седобородый Прошка с соседней улицы. — С бесами, небось, связался?

— А то! — авторитетно заявил Минька. — Верно говорят, сколько веревочке ни виться, а конец будет. Среди бела дня налетел огненный бес, когда Арчибальда дома не было. Крышу сорвал — и в библиотеку! Ясное дело, бумага лучше всего горит. Хорошо, соседи вовремя собрались, потушили, а то бы вся улица выгорела.

На рассказчика посыпались вопросы. Больше всего домовых интересовало, выжил ли кто-нибудь из слуг-нелюдей шотландского колдуна? И усмирен ли огненный бес, или ждать новых пожаров? Но Минька таких подробностей не знал. Покачивая головами, домовые начали расходиться.

Тихон домой не пошел. В эту ночь в развалюхе на отшибе домовихи собирались на девичник. Ежели вовремя рядом оказаться, глядишь, и пригласят.

В развалюхе еще никого не было. Тихон встал на крыльце, оправил синий кафтан, потуже затянул алый кушак. Смахнул с рыжих кудрей мокрость, приосанился. И вдруг услышал, как на дальнем конце улицы залаяли собаки. Перекидываясь со двора на двор, заполошный лай докатился до окраины. На человека собаки иначе брешут. Заяц, что ли, забежал или лисица? Ветер принес отчетливый запах гари. У Тихона мурашки побежали по спине. А вдруг это бес? Или кто похуже? Мало ли кого аглицкий колдун в помощниках держал?

Тихон нерешительно потоптался, не зная, то ли домой бежать, то ли подождать и высмотреть беглеца. Любопытство пересилило осторожность. Тихон притаился под крыльцом, насторожив чуткие уши. Легкий топоток пронесся по дощатой отместке, колыхнулся прошлогодний бурьян, и прямо на Тихона выскочил кто-то маленький, с копной спутанных, пропахших дымом белых волос.

Они одновременно вскрикнули и уставились друг на друга. Глаза у беловолосого существа оказались круглые, перламутровые,

и на худеньком треугольном личике казались огромными. И очень испуганными.

«Кикимора, что ли? — подумал Тихон. — Нет, не похожа. И не лесовушка, у тех волос зеленью отливают...»

Простая холщовая рубаша незнакомки, вся в прожженных дырах, была испачкана сажей. Сама она дышала натужно, со свистом и хрипами.

— Помоги... — растрескавшиеся губы едва шевельнулись. — Помо...

Перламутровые глаза закатились, и она свалилась прямо на руки Тихону. Он растерянно прижал к себе невесомое тело. Куда ее? Домой? А если огненный бес за ней гонится? Или хозяин-колдун? А, где наша не пропадала!

И Тихон побежал, держась поодаль от постоянных троп домовых. Ввалившись в родной подвал, первым делом уложил нежданную гостью на лавку, а сам обежал дом — сначала изнутри, потом снаружи, обводя и жилище, и все подворье охранным кругом. Сильного колдуна не задержит, но беса со следа собьет. Хотя бы на время.

Когда Тихон вернулся, незнакомка уже сидела на лавке, обхватив себя за плечи, и тряслась так, что зубы стучали. Домовой кинулся к сундучку, достал расписную чашку с отбитой ручкой, которую хозяйка в сердцах выбросила, а он подобрал. Плеснул из бочонка.

— Глотни, полегчает.

Она глотнула. Замерла, задохнувшись. Потом задышала, допила остаток.

— Что... это?!

— Мухоморовка. — Он осторожно присел на другой конец лавки. — Тролли ее из грибов варят... Ну, в основном из грибов.

— Тролли... — повторила она. Голос у нее был странный — словно играла треснувшая дудочка. — А ты домовой?

— Верно. — Тихон осознал, что во все глаза таращится на проглядывающие в прорехи рубашки голые коленки гостьи, и смутился. — Тихон я. А тебя как называть?

— Гругаш.

Слово прошелестело камешками с осыпи. Тихон попробовал повторить. Нет, не подходило это имя девице с паутинчато-шелковыми волосами и лунными глазищами.

— Ты с пожара? Из дома аглицкого колдуна?

Она насторожилась. Круглые глаза сузились.

— Слышал уже? Ты не бойся, я только отдышусь и уйду.

Тихон жарко покраснел.

— Ничего я не боюсь! Оставайся, сколько хочешь, я тебя никому не выдам.

Она улыбнулась.

— Ты добрый. У нас говорят, что встретить рыжего — к удаче. Повезло мне.

У Тихона потеплело внутри. Душа ворохнулась и запела варакушкой. Дождался! Вот оно — его счастье! Само в руки прибежало!

— Не обидишься, если я тебя Груней звать буду?

— Хоть горшком назови, только в печь не ставь.

— Ишь ты! — восхитился домовой. — По-нашему говоришь, как здесь родилась. Когда только успела научиться?

— Я уже семь лет в вашей стране. — Она вздохнула. — Говорить легко, понимать трудно.

Она снова начала дрожать.

— Мне бы сажу смыть...

Тихон вскочил, засуетился.

— Сейчас воду принесу. У меня и мыльный корень припасен, и ромашка вот сушеная, голову мыть...

Он вынимал из сундука мешочек за мешочком. Положил на лавку чистую рубаху — прадедовскую, длинную, с вышивкой по подолу.

— Велика тебе будет, но можно поясом стянуть. А старую лучше сжечь.

Пока гостя мылась, Тихон прокрался наверх, набрал оставшуюся у людей с ужина еду: кусочки хлеба, полмиски каши,

прихватил поломанный печатный пряник и горсть леденцов из приоткрытой жестянки. Прожженную рубаху свернул и засунул в поленья. Утром хозяйка примет ее за скрутку бересты и первым делом в печь отправит.

Вернувшись в подполье, Тихон едва не выронил свою добычу. Гругаш сидела на лавке, поджав одну ногу, и длинными пальцами расчесывала чистые, мерцающие волосы, полупрозрачной волной покрывающие худенькое тело. В подполье пахло летом.

— Рубаху... — хрипло выдавил Тихон. — Рубаху-то надень! Она капризно сморщила острый носик.

— Я в ней утону! Ох, ну ладно, не смотри так.

Тихон отвернулся, раскладывая еду на крышке сундука. Когда обернулся, Гругаш уже стягивала широкую рубаху витым пояском. Лукаво глянула на него из-под волос.

— Какой ты застенчивый. Или не нравлюсь?

— Нравишься, — буркнул он, не зная, куда девать руки от смущения. — Угощайся вот... Чем богаты...

Сам он сумел сжевать только корочку хлеба. В голове плавал ромашковый туман. Сердце то замирало, то пускалось галопом, стоило Груне придвинуться поближе.

— Благодарю тебя за гостеприимство. — Она смела в ладонь крошки и слизнула узким розовым языком. — А теперь слушай. Не хочу, чтобы ты пострадал за свою доброту. Нет! — Она прижала палец к его губам. — Молчи! Сначала выслушай. За мной беда идет, Тихон. Огненная беда. Арчибальд Мерлиз, мой бывший хозяин, поссорился с одним из местных магов.

— С кем? — не понял Тихон.

— С колдуном, — поправилась она. — Украл у него кое-что... с моей помощью. А тот в отместку наслал огненного демона — беса, по-вашему. Ох, Тихон, какой это был кошмар! Одно хорошо, демон разрушил заклинание, которым Мерлиз меня связал. Теперь я свободна. Но демон меня ищет. Я ему сильно досадила. Так что бежать мне надо.

— Куда бежать?

— В порт. Попроверь на какой-нибудь отплывающий корабль. По воде огненный демон за мной не погонится.

У Тихона земля ушла из-под ног.

— Да как же это? — беспомощно забормотал он. — Не надо тебе в порт. Оставайся, Грунюшка! Я что-нибудь придумаю!

Она ласково погладила его по щеке.

— Славный ты, Тиша. Но демон сильнее нас обоих. Он от твоего дома одни головешки оставит.

— На любую силу управу найти можно, — возразил Тихон. — Ты вот что, ты ложись, отдыхай. А я схожу, переговорю кое с кем.

***

Водяники есть в каждой воде — и в речке, и в озере, и в пруду. Какова вода, таков и водяной. Хозяин Невы нравом обладал крутым, независимым, частенько спорил с самим царем морским. От их столкновений случались в Петербурге наводнения, потому домовые водяного не любили. Легко ли раз за разом восстанавливать затопленное хозяйство? Зато все худо-бедно, но умели плавать.

Тихон в обнимку с бочонком второй час мерз на граничных ступенях набережной. С хозяином Невы он водил близкое знакомство, но в апреле водяные только-только пробуждаются от зимней спячки и оттого бывают не в духе. Докричаться до них — каторжная работа. Тихон уже осип, даже обещание мухоморовки «для сугреву» не помогло, хотя обычно одного запаха самогона хватало, чтобы приманить хозяина Невы со всей его свитой. Когда домовой уже решил, что водяники за зиму не иначе как оглохли и нюх потеряли, на ступени плеснула волна, промочив Тихону лапти. Он тихо зашипел сквозь зубы.

— Чего вопишь? — Из темной воды высунулась длинная, узкая морда. Водяной явился в обличье огромной щуки, покрытой густым, как у выдры, мехом. — Я, чай, не глухой. Тихон, что ли? Узнаю, узнаю... Доченька на твой гребень не нарадуется.

Мухоморовку принес? Дело хорошее. Говори, зачем пришел, только коротко. Занят я, дел много.

Тихон рассказал про огненного беса. Водяной подплыл ближе, задумчиво положил вытянутую морду на гранит. Тихон опасливо отодвинулся от острых, как шилья, зубов.

— Слышал я про эту историю. В воду беса заманить, стало быть, хочешь? А ты подумал, дурья твоя башка, что эдак ты меня с Папилкином поссоришь?

Тихон обмер. Груня не назвала имя колдуна, с которым сцепился шотландец Мерлиз. Но если это знаменитый на всю округу финский чародей Папилкин — плохо дело. Поговаривали, что он и с огнем, и с водой одинаково ловко управляет. А бесов у него в подчинении видимо-невидимо!

Водяной шумно вздохнул и причмокнул.

— Ты чего хочешь-то? Чтобы колдуны от твоей зазнобы отстали? Ну, не красней, не красней, я вас всех насквозь вижу. Ладно уж, помогу. Пусть она завтра, как стемнеет, заманит беса сюда. И ныряет ко мне. Огненный бес в воду не полезет, а я твою Груню подхвачу и унесу подальше. Все и решат, что она утонула.

Тихон поежился.

— Вода-то у тебя ледяная...

— Не бойсь, не замерзнет. Я свое дело знаю. Все, иди. Мухоморовку только оставь!

***

Когда Тихон вернулся, Груня спала, с головой накрывшись одеялом. Тихон умиленно заулыбался. Осторожно взял вторую подушку и устроился на сундуке, но спать не стал. Сидел, чутко прислушиваясь к наружным звукам. И все думал, как они с Груней хорошо жить станут, когда избавятся от беса. Краса у нее, конечно, иноземная, непривычная, но, если обрядить в сарафан и платочек, загляденье выйдет. И смелая она, и умная. А главное — он ей понравился! Тихон даже всхлипнул от переполнявшего его счастья. Не заметил за мечтами, как утро наступило. Наверху поднялся привычный шум, но в этот раз Тихону было не до хозяев.

Груня, проснувшись, одарила его такой улыбкой, что он как на крыльях воспарил. Тут же пересказал ей слова водяного.

— Неглупый план... — Она покусала губу. — Вот только я плавать не умею.

Тихон озадаченно почесал за ухом. О таком повороте он даже не подумал.

— Так это даже лучше, — нерешительно сказал он. — Убедительнее выйдет. Водяной утонуть не даст, а холода не бойся — я тебя потом отопгрею.

Она хмыкнула, глянула искоса с такой лукавинкой, что у Тихона щеки запылали.

— В смысле, в баню свожу... — забормотал он, запинаясь. — Пропаришься...

— С тобой вместе? — Она засмеялась надтреснуто. — Ладно, пусть будет так.

— А чем ты бесу досадила? — поспешил вернуть разговор в безопасную колею Тихон.

— Я на него чашу со святой водой опрокинула. В церкви. Там крестины шли, кажется. Ох и переполоху было! Думала, все, конец демону. А он выжил, вернулся к своему колдуну, рассказал, кто у него кольцо стащил.

— Кольцо?

Она махнула рукой.

— Мерлиз — жадный сукин сын. Мало своей удачи, чужую захотел. Волшебное кольцо потребовал. Пришлось раздобыть. Уж не знаю, поможет оно ему теперь или нет? Да и знать не хочу. Мне бы со своей бедой справиться. Демон не отстанет, пока не убедится, что я погибла.

— Водяной все сделает в лучшем виде, — как мог убедительнее сказал Тихон.

Она бледно улыбнулась.

— Я поплю еще, ладно? Во сне ко мне силы возвращаются.

— Спи, конечно! — Он подсунул ей и вторую подушку. При мысли, что худенькой Грунюшке придется нырять в ледяную Неву, его самого начинала бить дрожь.

Гругаш проспала до вечера. Тихон пытался делать обычные дела, но у него все из рук валилось. До того дошло, что напугал новую служанку, попавшись ей в сених под ноги. Когда пали сумерки, он осторожно потряс Груню за плечо.

— Пора.

Она проснулась сразу, посмотрела на него без улыбки.

— Ну пойдем. Ты держись подальше, Тихон. Не надо, чтобы демон тебя почуял.

Он только кивнул и вытащил из сундука кусок овчины.

— Завернешься потом.

Она помотала головой.

— Лишняя тяжесть, не бери. Ничего, переживу как-нибудь, мне и труднее приходилось.

«Проклятый колдун! — в сердцах подумал Тихон. — Ничего, это в последний раз, Грунюшка. Поженимся — я с тебя пылинки сдувать буду!»

Гругаш выскользнула из дома первой. Тихон помедлил пару минут и только потом поспешил следом. Беса он увидел сразу. Огненный шар завис в расчистившемся небе, как двойник полной луны. Караулит, гад! Почуял, что где-то здесь след оборвался!

Шар дрогнул, с ленивой неспешностью поплыл над крышами. Заметил! Где-то там, петляя между дворами, бежала Груня. Бес ускорился, заметался из стороны в сторону.

Тихон начал задыхаться. Не привык он к таким пробежкам. Домовые умеют сокращать дорогу, но он боялся упустить беса из виду и сквозь дома пробегал только изредка. Когда примчался к условленному месту, его пыхтение, должно быть, весь город слышал. К счастью, бесу было не до Тихона. Огненный шар спикировал прямо к уходящим под воду гранитным ступеням набережной. Тихон увидел Груню, только когда она ласточкой прыгнула в реку. Разъяренный погоней бес, брызгая искрами, метнулся следом.

«Не так должно быть!» Тихон вскочил на парапет, всмотрелся. Под водой бес превратился в подобие человека, но огонь его не погас. Было видно, как он схватил маленькую белую фигурку. Под

ними в глубине что-то промелькнуло. Вмешается водяной или нет? Тихон не стал дожидаться и как стоял, так и сиганул в Неву.

Ледяная вода ожгла не слабее огня, но Тихон уже начал меняться. Домовые — оборотни из самых умелых, куда до них волкодлакам! Правда, превращаются домовые исключительно в наземных созданий. Рыжий пес, отчаянно загребая лапами, ринулся к огненному бесу и вцепился в него зубами.

«Пусти! — взвизгнуло внутри головы Тихона. — Не мешайся не в свое дело, шавка!»

Пес только сильнее сжал челюсти и потащил беса в глубину. Тот выпустил свою добычу и ударил по Тихону — как молнией прострелило. Мимо скользнуло длинное тело — водяной подталкивал бесчувственную Груню наверх. Вот и славно... Еще чуть-чуть продержаться... Пасть горела, перед глазами плыли цветные пятна, грудь сдавило.

«Проклинаю... — голос в голове слабел. — Пламенем своим проклинаю... Все потеряешь... все...»

Бесовский огонь погас, и сам бес исчез. В пасть Тихону хлынула вода, он захлебнулся. Беспомощно повел руками, превращаясь уже не по своему желанию. «Конец... Прощай, Грунюшка...»

Но тут огромные челюсти подхватили его, аккуратно сжав поперек туловища, и потащили вверх. Через несколько мгновений Тихон уже лежал на парапете, выкашливая противную речную воду. Рядом стучала зубами Груня, пытаясь подняться на ноги. Из реки послышался хохот водяного.

— Бегите! А то скоро сюда оба колдуна явятся.

— Что ты им... скажешь? — едва выговорила Груня. Зубы у нее лязгали.

— Уж найду что сказать. А следы ваши смою. Бегите!

— Б-благод-дарю... — прокашлял Тихон.

— Не за что, — булькнул водяной. — Если бы ты утонул, дочка мне не простила бы!

— Дочка? — Груня подхватила Тихона под руку и потащила за собой.

— Не было... у нас... ничего... — Он едва двигал ногами.

— Это хорошо... Ну же, Тихон, шевелись. Догонишь — поцелую!

«Откуда у нее только силы берутся?» — позавидовал он. И тут же сообразил, что лучше опять перекинуться. В шкуре теплее, чем в одежде, и сохнет она быстрее.

Гругаш взвизгнула, когда рядом с ней запрыгал рыжий заяц. К дому Тихона они примчались одновременно, но она все равно его поцеловала. А больше ничего у них не сладилось — сил хватило только на то, чтобы забраться под одеяло, прижаться друг к другу и уснуть.

***

На дне сундука у Тихона давно ждала своего часа прялка-корневушка. Еловая, легкая, с нарядными узорами. Небось в Шотландии таких не делают. Домовой достал прялку, придиричиво осмотрел, протер рукавом. Постоял, унимая расхолодившееся сердце, и решительно нырнул через заваленку на двор. Хозяйева и служанка с конюхом ушли к обедне, и Груня, на таясь, грелась на теплом весеннем солнышке. Посмотрела на него с удивлением.

— Что с тобой, Тиша? Случилось что-нибудь?

— Да... Нет... — Он сглотнул. — Ты прясть умеешь?

— А ты для чего интересуешься?

— Вот, — он вытащил из-за спины прялку, — это тебе.

Гругаш взяла подарок. Осторожно потрогала резные узоры.

— Красиво. А что это означает?

— Ох ты! — Тихон всплеснул руками. — Ты ведь не знаешь! Ну смотри. Прялка — она как Древо жизни, вот тут сверху солнышко и луна. Рядом вещие птицы поют.

— А это? — Длинный палец ткнул в частые ромбы с точками.

— Это... — Тихон смутился. — Земля засеянная. Чтобы, значит, детки родились.

— Детки? — Перламутровые глаза сощурились. — Ты ко мне сватаешься, что ли?

Тихон набрал в грудь воздуха и ответил — как в прорубь сиганул:

— Сватаюсь. Пойдешь за меня, Грунюшка?

Она помолчала. Окинула его взглядом с ног до головы, как в первый раз увидела.

— Не обижайся, Тихон. Нравишься ты мне, и хозяйство у тебя крепкое. Но гругаши замуж не выходят.

— Гругаши? — Он неприятно удивился. — Так это не имя?

— Кто же настоящее имя говорит? Имя — это власть. — Она погладила прялку и вдруг улыбнулась. — А может, и скажу. Если все бросишь и со мной уйдешь.

Тихон окончательно растерялся. Огромные переливчатые глаза оказались совсем рядом, от паутинчатых волос сладко пахло ромашкой.

— Уплывем отсюда, Тиша, — шептала гругаш. — Не могу я здесь больше. Железо вокруг, решетки чугунные... Небо свинцовое, месиво снежное даже в апреле. А на Альбе круглый год тепло, зелено, утесник цветет... А летом вереск... Все поля лиловые, и медом пахнет. Найдем тебе богатую ферму, будешь жить, как брауни... И я с тобой останусь. Ты ведь мне жизнь спас, Тиша! Я этого не забуду.

— Да как же это... — беспомощно бормотал домовый, шаля от поцелуев. — Через море? Не смогу я, не проси... Здесь тоже хорошо, Грунюшка... Уйдем из города, если хочешь. К троллям уйдем, к чухонцам в деревню лесную. Там красиво! Ягоды коврами, грибы хороводы водят, валуны каменные, как в Шотландии твоей... Иван-чай цветет не хуже вереска! Грунюшка... Да что же ты делаешь?! Увидят ведь!

Он подхватил ее на руки, одним махом перенес в свой закут.

— Какой ты горячий! — Гругаш хихикнула. — Погоди, я переменюсь. Ни к чему мне пока дети.

Тихон ахнул, почуввав под ладонями чужое колдовство. Разжал руки, уронив гругаша на лавку. Попятился.

— Ты чего это?... Ты зачем?!

— Говорю же, не время мне детьми обзаводиться. Ну что ты так смотришь? Вы, домовые, — оборотни. А мы, гругаши, по-другому умеем меняться: когда надо — женщины, когда надо — мужчины. Чего ты испугался, глупый? Так тоже хорошо будет.